

УДК 316.7:159.935

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

О.Т. Лойко

Томский политехнический университет
Тел.: (382-2)-56-34-99

Анализируются проблемы философской рецепции социальной памяти, которая рассматривается как способ бытия социума, позволяющая осуществлять постоянно длящийся диалог прошлого с настоящим и будущим

Весь многообразный мир социальных явлений актуального бытия человечества отмечен латентно присущей ему разнонаправленной динамикой. Если философская рецепция классического периода развития социальной философии рассматривала это как процесс движения от прошлого к будущему, то период философского постмодерна значительно коррелировал траекторию социального познания, включая в ее исследовательское поле непрерывающиеся переливы от за-бытия к бытию, иногда к ино-бытию и, наконец, к со-бытию.

Возрастающая мобильность этого процесса вызывает в самом социуме, постоянную, тревожную тягу к своим корням, сокрытым в глубинах памяти и возникающим на поверхности актуального бытия в тот момент, когда происходит акт восстановления прошлого в настоящем, когда из за-бытия содержание социальной памяти становится востребованным бытием. Мы полагаем, что в той эпистемологической ситуации, когда достаточно полно осуществлена рецепция основных концептов памяти, теоретически востребована и практически актуальна, необходимость осмысления ее бытия на качественно ином, социальном уровне.

Онтологический разрыв, оформившийся к середине XX в. привел к явному противопоставлению традиционной культуры и культуры модерна, символа – симулякру, размыванию границ культурной нормы. Наиболее остро этот феномен сказался на бытии социальной памяти, в рамках которой коренным образом изменились способы существования памяти и формы трансляции ее аксиологического содержания.

В традиционной культуре передача ценностно-смысловых характеристик осуществлялась непосредственно от поколения к поколению в рамках семьи, рода, системы образования, профессиональной подготовки, определяя тем самым жизненный путь индивида. Способная воспринимать из прошлого лишь то, что является жизненно важным, что поддерживает и продолжает жить в сознании той или иной группы социальная память формировалась как память ритуализированная, коллективная, представляющая собой совокупность действий, предпринимаемых социумом по ценностно-смысловой реконструкции прошлого в настоящем и тем самым сохранении традиционного способа бытия общества. Социальная память в этот момент выступала как нормативная, способная, по словам Я. Ассманна (J. Assmann) превратить "культуру в оплот борьбы против забвения" [1].

Своеобразная размытость понимания социальных норм современного общества привели к необходимости иного подхода к феноменам социальной памяти, в которой фиксируются эти нормы. Причем в содержании норм все чаще проявляется иной, модальный аспект, позволяющий значительно расширить и углубить понимание нормы, а также зафиксировать иное к ней отношение, основанное на перформансе содержания социальной памяти с одной стороны и глубинного понимания ее эйдетики с другой.

Обращение к памяти в современном гуманитарном знании является событием незаурядным. Сложно отыскать серьезное исследование последних лет по социальным проблемам, в котором в том или ином контексте не рассматривалась бы память социума. Можно согласиться с позицией, отстаиваемой в работах Я. Ассманна и М.К. Петрова, М. Хальбвакса, что серьезный философско-социологический анализ культуры вирулентно отягощен проблемами сохранения и передачи культурного опыта поколений, который фиксирует в той или иной форме бытия социальной памяти. В тоже время, до сих пор отсутствуют аналитические работы, посвященные социальной памяти как особому явлению современного хронотопа.

Таким образом, конституируется онтическая актуальность исследования социальной памяти как сущностной характеристики мира, анализ которой позволит тематизировать проблему поиска социумом своей идентичности и предложить вариант ответа на вопрос о смысле человеческого существования. Именно бытие социальной памяти, сохраняющее и транслирующее содержание ценностно-смыслового мира эпохи, позволяет человеку и человечеству в целом, идентифицируя свое актуальное бытие с бытием прошлых поколений, оставаться и ощущать себя уникальным явлением.

Проблематизация сущностного поля бытия социальной памяти с необходимостью приводит к вопросу о границах и возможностях познания и адекватного понимания ее содержания. Способность к рефлексии, составляющая квинтэссенцию философского постижения мира, была присуща философской традиции с момента ее возникновения. Разделение наук на естественнонаучные и гуманитарные, науки о природе и обществе, привело к тому, что изучение гуманитарной проблематики, как правило, велось с позиций естественнонаучного подхода. Отсюда и стремление "разъять единое", постигнуть тайны духовного мира человека, загад-

ку мнемических способностей человечества используя данные физиологии, психологии. Исследовательские программы изучения памяти с позиций естественных наук не достигали поставленных целей, а лишь расширяли *Terza incognita* социальной памяти.

Актуальность исследования социальной памяти в современном хронотопе определяется ее все возрастающей ролью в коммуникации. Именно идентичность понимания содержания социальной памяти всеми участниками коммуникативного процесса, способствует достижению основной цели: адекватного понимания и точной интерпретации сущности коммуникативного сообщения. Если социальную память рассматривать, как движение смыслов в социальном времени, то именно однозначное понимание смыслов, составляющих ее содержание, будет способствовать установлению понимания между участниками коммуникативного процесса. На эту особенность памяти обратил внимание Ю.М. Лотман, когда отмечал, что из содержания памяти извлекается значительно больше, чем было заложено первоначально [2].

Последнее особенно важно в силу того, что в процессе передачи содержания смыслового поля коммуникации происходит мисинтерпретация. По данным Хавкинса (Hawkins) примерно 30 % информации при передаче искажается. Можно предположить, что выявление "общего" объема бытия социальной памяти способно минимизировать этот процесс.

В настоящее время является бесспорным тезис о том, что культура, выступая как универсальный способ создания, передачи и воссоздания ценностно-смыслового хронотопа нуждается в социальной памяти, как своеобразной аксиологической направляющей, способной придать значимость фактам настоящего, восстановить истинную ценность событий прошлого и предвосхитить значимость будущего. Не случайно, проект ЮНЕСКО "Память мира" ставит перед собой цель выявления критериев, согласно которым произведение культуры действительно может быть признано быть достойным занять свое место в номенклатуре феноменов отражающих память мира. Можно предположить, что последовательный дискурс наиболее репрезентативных форм бытия социальной памяти, к которым относятся миф, архетип, текст будет способствовать более адекватному выявлению их значимости в культуре.

Анализ памяти в социальном контексте выступает насущной необходимостью последовательных ответов на вопросы о том, что остается в памяти после того, как событие, современниками которого были определенные поколения людей, забылось (бытийный, онтологический уровень), каким образом по отношению к этому бывшему возможна адекватная интерпретация, восстанавливающая ценностно-смысловое поле прошлого в настоящем (эпистемологический уровень). И, как логическое след-

ствие ответов на два первых вопроса – вопрошание, обращенное к сущностной явленности памяти о ее аксиологической отягощенности будущего смысловым полем прошлого и настоящего. Выявление, познание и оценивание содержания социальной памяти предполагает постановку герменевтической проблемы позволяющей наметить магистральные линии понимания и интерпретации.

Варианты ответа на эти вопросы, предлагаемые современными психологическими, когнитивными, информационными, историческими и семиотическими концепциями лишь высвечивают отдельные грани социальной памяти, не выявляя целостной картины бытия социальной памяти, ее содержательной емкости. Пока мир социума совпадал по своему содержанию и ценностным ориентирам с миром истории, человечество довольствовалось исторической памятью – своеобразной хроникой событий, где одобрение и порицание были раз и навсегда установлены. С момента открытия социального стало остро ощущаться потребность в некоем нормативном отношении к прошлому, которое оказывало все более заметное влияние на настоящее, транслируя в его содержание свои, претерпевшие значительные изменения под воздействием воспоминаний метатипы. С этого момента о своих правах заявила социальная память.

В рамках психологической интерпретации содержания памяти с учетом ее социальной отягощенности, позволяло предугадать, предчувствовать, что в памяти социума сохраняется значительно больше того объема, который в нее внесен. Можно предположить, что ментальная вместимость социальной памяти постоянно увеличивается в объеме. Постигание сущности и содержания социальной памяти с позиций когнитивной психологии позволяет предположить, что объем содержания социальной памяти может "сжиматься", концентрируя свое содержание в нормативных воспоминаниях, способных приобретать статус социального наследия или ритуала.

Историческая память, ориентированная в прошлое, заверенное, невольно элиминирует значимость события, уже свершившегося и именно поэтому, забытого. Социальная память, в силу присущей ей модальности, имеет дело с актуальным, незавершенным бытием, которое продолжает длиться. То, что незакончено, не забывается. Но незабываемое в содержании социальной памяти, для того чтобы обладать статусом бытийности, должно выступать в определенных формах. Таковыми, наиболее значимыми формами бытия социальной памяти выступают миф, архетип, текст. Если миф способен сохранить и трансмутировать непосредственное содержание социальной памяти, так называемую память рода, архетип, выступая как означиваемое, показывая его глубинную сущность, то текст в силу универсальности, присущей ему как форме бытия социальной памяти, способен, благодаря бесконечному числу интерпретаций зафиксированно-

го в нем ценностно-символического содержания социальной памяти, представить более полно смысл запоминаемого. Если представить, что миф, архетип и текст являются тот или иной срез форм бытия социальной памяти, то должно существовать некое явление, в котором указанные формы бытия социальной памяти присутствуют одновременно. Этим феноменом является литургия, как постоянное, интенционально ориентированное, незавершаемое со-бытие, в котором предельно полно раскрывается бытие социальной памяти.

Особую значимость исследования социальной памяти приобретают в настоящий момент, когда в научном познании осуществляется своеобразная межпарадигмальная рефлексия, детерминированная новыми технологиями научного исследования, связанными с электронным способом хранения и передачи информации. По оценке Д.С. Робертсона, культурные феномены, зависят от технологий, которые фиксируются в пяти типах информационных революций. Первая из них была связана с появлением языка, вторая — письменности, третья с книгопечатанием, четвертая с созданием электронных средств информации, пятая с изобретением компьютеров. Каждая из новых технологий существенно влияет объем и глубину социальной памяти. Явленность социальной памяти в мифе, архетипе, тексте и литургии влечет за собой все нарастающую потребность адекватного понимания и точной интерпретации ее содержания, которые, в конечном итоге, способны зафиксировать ментальную вместимость социальной памяти. Мы предполагаем, что в качестве основных, но далеко не единственных, способов понимания содержания социальной памяти логически последовательно выступают: ритуал, знак и социокод. Ритуал, как более ранний тип понимания, по выражению Ю.М. Лотмана, позволяет сведения о порядке протекания процессов сохранить в коллективной памяти. Знак, зачастую письменно фиксирующий, "означивающий" содержание сообщения, позволяет осуществить опосредованное понимание содержания социальной памяти. Соци-

окод, способен в предельно абстрактной форме представить содержание и смысл событий, составляющих содержание социальной памяти.

Но не только в теоретическом плане исследование социальной памяти как особого феномена представляет интерес. Существует и достаточно четко выявленная практическая значимость выявленной проблемы. Процессы глобализации, ставшие реальностью, по-новому высвечивают проблему межкультурной коммуникации, что напрямую связано с содержанием, формами бытия и способами постижения социальной памяти. Социальная память в самом широком смысле слова — это то, из-за чего человек может стать аутсайдером, чужаком, выпадая по той или иной причине из ценностно-смыслового поля общей социальной памяти. Пока индивид пребывает в группе, разделяющей символическо-аксиологический мир его социальной памяти, ему не приходится обдумывать и проектировать свои слова, поступки, ибо существует общее смысловое поле ментальной вместимости социальной памяти. Но пребывание в чужом обществе, в котором господствуют иные нормативные воспоминания, субъект испытывает трудности, ощущение беспомощности и дезориентированности, что можно назвать "культурным шоком", в глубине которого кроется несовместимость ценностно-смысловых миров, отражающих содержание социальной памяти. Элиминировать возможные последствия этого культурного шока можно при условии адекватного прочтения социокода социальной памяти того сообщества, в котором предстоит находиться.

Резюмируя актуальность заявленной темы, отметим, что изучение социальной памяти как особого феномена, определяется комплексом онтических, гносеологических аксиологических и герменевтических проблем, последовательное решение которых позволит поставить в порядке дискуссии вопрос о создании теории, отражающей сущность, структуру, формы бытия и динамику ментальной вместимости социальной памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Assmann J. Kulturelle Gedächtnis als normative Erinnerung // *Memoria als Kultur*. Herausgegeben von Otto G. Oexle. — Göttingen, 1995. — S. 95.
2. Лотман Ю.М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // Лотман Ю.М. *Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история*. — М., 1996. — С. 348–349.